

МЕЖКОНТИНЕНТАЛЬНЫЙ БАДМИНТОН

Снова спорт на новостном канале.
Комментаторы на взводе. Сетки
вдоль границ натянуты по струнке.
Значит, скоро межконтинентальный
бадминтон! Расчехлены ракетки
на траве и на открытом грунте.

Все спортсмены, будто из казармы,
в безупречной форме: не иначе,
годы интенсивных тренировок.
Кто пойдёт на первую подачу,
что последней может оказаться,
ежели соперник проворонит?

Полетят крылатые воланы,
редкий воздух рассекая резко,
сыпя вниз наточенные перья.
Коль успею, буду во поле валяться
и сжимать бутылку, словно древко
знамени, в руке, глазам не веря:

в небе будет что-то не от неба –
рукава рубашки не по росту.
Разведу руками – мерить стану
и услышу, как далёко где-то
звонко гоготнёт, взлетев на воздух,
Гусь Хрустальный.

ДОМ

Стены как стены. Всё прежнее, вроде.
Та же посуда на грузном комодке.
Те же обои – одна полоса,
как в незапамятные, пузырится.
Смотрят со стен невесёлые лица –
измученные глаза.

Кто эти люди в обшарпанных рамках?

Сиюсь припомнить...

– Мама!

– Не мамкай! Вытри сейчас же слёзы с лица!

Вот ещё – только б на улицу бегать. Дома сиди!

– Я спрошу у Олега...

– Хватит по имени звать отца!

Сиюсь припомнить...

Всё так знакомо

и незнакомо, будто не дома –

к соседям на чай зашёл

и окликаю хозяев усталых,

но оказалось, что не застал их:

сами в гостях ещё.

Хлопает хлипкая фортка настырно:

лезет в квартиру ветер-проныра.

Фонарь во дворе сверкнул.

Может, вернутся, когда он потухнет?

Ветка, сухая рука повитухи,

чиркает по стеклу.

* * *

Видит город на Неве сон,

что прозрачен он, невесом –

сбросил каменных громад груз,

воспарил и – об заклад бьюсь! –

всех оставил нас не у дел

мерить взглядом синеву, где

огнегривых львов литой прайд
охраняет золотой град.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ

За стенкой гам и тарарам –
то тут, то там, то тут, то там, –
на боковушке с утречка
играет пара в дурачка,
подобно оползню в горах,
несётся с верхней полки храп.
Напротив тараторка мне
твердит о кризисе в стране,
о том, как горек честный труд,
когда повсюду вор и плут –
то там, то тут, то там, то тут.
А я поддакивать устал,
читать устал и спать устал! –
то тут, то там, то тут, то там, –
совсем не голоден, хотя
пакетиками шелестят
и, словно пьяные, идут –
то там, то тут, то там, то тут, –
кто в обуви, кто босиком,
паломники за кипятком.
И тараторка, замолчав,
встаёт себе готовить чай,
и во внезапной тишине
я вижу сам себя в окне,
как будто нитями судьбы
соединённые столбы,
и так хочу по проводам
разрядом добежать туда,
где теплится в окне уют –
не тут, а там! не тут, а там! –
но тараторка тут как тут –
то там, то тут, то там, то тут,
то там, то тут, то там, то тут.

* * *

Уже умерил свой напор,
уже едва крадётся поезд.
В лиловых сумерках по пояс
гостеприимное депо.

Прямолинеен, строг и прост,
слегка фонарным светом тронут –
ступени к каждому перрону
спускает пешеходный мост.

От безысходности неон,
цветистых надписей заложник,
мигает и следит тревожно,
как самый первый – мой вагон,
едва не миновав вокзал,
встаёт.

Спускаюсь.

Вдоль вагонов
плетусь к мосту недоумённо
и заспанные тру глаза,
завидев, словно в мираже,
ступени в облачные кущи
и силуэты душ, идущих
на небеса на пээмжэ.